

ЯЗЫК, ТЕКСТ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПОСТМОДЕРНОЙ ТЕОРИИ.

Мова, текст та інтерпретація як предмет постмодерної теорії.

Language, Text and Interpretation as a Subject of Postmodern Theory.

*Тибайкина Татьяна Леонидовна – ст.препод. кафедры филологии и перевода
Днепропетровского национального университета железнодорожного
транспорта имени академика В.Лазаряна*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы интерпретации текстов в русле современных теорий когнитивной лингвистики и герменевтики. Ключевые слова: философия, язык, текст, интерпретация, концепт, дискурс, контекст, трактовка, значение, понятие, содержание, перевод.

Стаття розглядає проблеми інтерпретації текстів згідно з сучасними теоріями когнітивної лінгвістики та герменевтики. Ключові слова: філософія, мова, текст, інтерпретація, концепт, дискурс, контекст, трактовка, значення, поняття, зміст, переклад.

The article deals with the problems of text interpretation in the context of postmodern theories of cognitive linguistics hermeneutics. Key words: philosophy, language, text, interpretation, concept, discourse, context, meaning, notion.

Карл-Отто Апель, создавший философское основание дискурсивной этики, определяет язык как «институт мышления» и «институт институтов» [1, с.163]. По Апелю, от всех прочих институтов язык отличается не только тем, что он для человеческой природы изначален, но и тем, что он оказывается обязательным для «самой что ни на есть освобожденной объективности». От языка нельзя отказаться, и его нельзя разрушить. Но еще существенней то, что именно язык становится тем метаинститутом, посредством которого все прочие институты можно обосновывать, отвергать или реформировать. Исходя из указанного понимания, философия должна стать ответственной за управление языком как «институтом институтов». Очевидно, этим объясняется тот факт,

что в XX веке именно у философов (Л. Виттгенштейн, М. Хайдеггер, Б. Рассел и других) в центре научного анализа всегда был язык. Не случайно Л. Виттгенштейн выступил против метаязыка – «технического» языка, подобного структурализму, изобретенному для описания свойств обычного языка (например, означаемое, означающее, сигнификация и т.д.). Возражая против метаязыка прежде всего в плане ограничения логики, Виттгенштейн писал, что мы не можем находиться вне языка для того, чтобы понять его [2, с.232].

Виттгенштейн предполагал, что если метаязык соответствующим образом включает в себя «язык-объект» (или его перевод на метаязык), то тогда любая попытка систематического формирования семантики языка-объекта будет лишена какого-либо значительного интереса.

Философы утверждают, что привилегированная или метапозиция – это мираж, созданный самим языком. Они указывают, что структурализм, семиология и другие формы металингвистики, которые обещали освобождение от «загадки значения», в результате вернулись к языку, что означает «невозможность выхода» из системы языка с последующим релятивистским или даже нигилистическим взглядом на сам разум человека. Следует заметить, что именно деконструкция как ветвь постструктурализма наиболее часто обвиняется учеными в релятивизме. Выступая против эссенциалистской определенности значения, постструктуралист Ж. Деррида мобилизовал центральную идею структурализма о том, что значение не является внутренне присущим знаку или тому, что есть его референт, но является результатом взаимоотношений между ними.

Последнее позволило Деррида сделать имплицитно следующий вывод: структуры значения (без которых ничто не существует для нас) включают и подразумевают их наблюдателей [3].

Вполне понятно, что подобные идеи значительно расширили горизонты интерпретаций. Как известно, логоцентристской традиции, стремящейся придать смысл и упорядоченность всему, Деррида противопоставил

деконструктивистскую модель интерпретации. Заявляя, что ничто не существует вне текста, Деррида рассматривал текст в семиотическом смысле расширенных дискурсов, утверждая таким образом, что все практики интерпретации включают язык, но не ограничиваются им. По утверждению Деррида, текст никогда не является единым целым, но включает ресурсы, которые вступают в противоречие с утверждениями, заложенными в самом тексте, и с интенциями его автора. Извлекая позитивные моменты из разоблачительного анализа структуралистского метаязыка, Деррида, как известно, вызвал обвинения в релятивизме и иррационализме, но вновь и вновь он обращал внимание своих последователей и оппонентов на значение текста, особенно, литературного текста, на изучение литературы [4, с.192].

Следует отметить, что изучение текста в лингвистике уже давно завоевало прочные позиции и в теории текста, и в риторике, и с точки зрения функциональных стилей, теории коммуникации. Соприкасаясь с философией, лингвистика также изучает текст в плане теории познания и его герменевтики, интерпретативных практик. Но если философы стремятся к объективному познанию действительности, то лингвисты исходят из невозможности выхода из герменевтического круга. При этом ученые подчеркивают: герменевтический круг, характеризующий понимание (вернее, несводимость понимания и истолкования текста к логически непротиворечивому алгоритму) принадлежит к самой структуре смысла в «науках о духе», где интерпретатор имеет дело не с однозначно определяемым, как в естествознании [5, с. 102-103].

Возможно, потому, что «мир есть текст», герменевтика как наука об интерпретации текста, о понимании смысла получила столь широкое распространение в современной западной теории. Как известно, предметом философской и литературоведческой герменевтики является интерпретация. «Всякое понимание, – пишет Х.Г. Гадамер, есть интерпретация и всякая интерпретация движется в медиуме языка, которым говорит предмет и который в то же время является языком интерпретатора [6, с. 451].

Как одно из главных течений в разнообразном потоке современной мысли, герменевтика полностью постмодерна, впрочем, как и деконструкция. Но если деконструкция подрывает традиционные понятия правды, реальности, знания, не оставляя ничего взамен, то герменевтика ищет способы: как разработать подлинное, а не фундаменталистское, понимание этих концептов.

Как пишет Г. Медисон, «правда» герменевтики неотделима от процесса интерпретации, и «значение» (как герменевтика понимает его) – это то, что появляется в результате такого процесса, а именно: экзистенциально-практическая трансформация, возникающая в интерпретирующем субъекте как результат его/ее активного столкновения с текстом, «миром». Правда и значение не объективны в современном понимании этих терминов, они целостные аспекты самого «события» понимания, они неотделимы как сказал бы Гадамер «от игры» понимания [7, с. 29]. «Знание» для герменевтики – это ничто иное, как разделяемое понимание того, к чему приходит сообщество задающих вопросы в результате свободного обмена мнениями. Для Гадамера понимание – это процесс коммуникации. Исследователи отмечают, что если Деррида отвергает само понятие правды, то потому, что как метафизика он ставит знак равенства между правдой и репрезентацией. Гадамер, пишет Медисон, порывает с таким пониманием правды и предлагает совершенно другую постмодернистскую концепцию правды. Правда, по Гадамеру, это не то, что просто должно быть репрезентировано, но нечто, что должно быть сделано – посредством использования коммуникативной рационалистики. Это нечто, что может существовать, если мы берем ответственность за его существование. В подчеркивании важности того, что называется «знанием», герменевтика позволяет нам, считает Медисон, стремиться к пониманию общества как нечто большего чем «деконструированная Вавилонская башня».

Точка зрения Гадамера как диалогическое понимание обеспечивает модель социального порядка, который базируется не на доминировании, но на рациональном убеждении, толерантном социальном порядке. Медисон утверждает, что история в понимании постмодернистов – это форма

повествования, своего рода художественная литература. Но если Ж. Бодрийяр утверждал, что репрезентативный «образ-знак» проходит четыре последовательные исторические фазы, в результате чего возникает «чистый симулякр» [8, с. 259], то Медисон полагает, что исчезновение реальности в метафизическом смысле не влечет обязательное господство симулякра. Художественный вымысел и реальность не являются и не должны быть метафизическими противоположностями. Художественная литература как упражнение в воображении не то же самое, что симуляция. Симулякр возникает тогда, когда отличие между репрезентацией и реальностью, между знаками и тем, к чему они относятся в реальном мире, исчезает.

Реальность становится ненужной, мы входим в «гиперреальность», где образы порождают друг друга без референций на реальность или значение. Какова же генеалогия истории, которая привела к столь радикальному заключению? Безусловно, ответ лежит в проблемном поле постмодерной теории. Как уже отмечалось, в среде стратегических вопросов и дискуссий постмодернистов особое место отведено диспутам о роли языка. Антропоцентризм становится главным принципом современной лингвистики на рубеже XX-XXI вв. Ученые утверждают, что в своем главном значении лингвистика всегда будет наукой «о языке в человеке и о человеке в языке». Возникновение антропоцентричной парадигмы в языкознании было предопределено самим «лингвистическим поворотом» и в настоящее время все более и более характеризуется принципами экспансионизма. Усиление экспансионистских установок проявляется во все возрастающем стремлении расширить область лингвистических исследований, в активном использовании тезауруса иных наук – философии, культурологи, антропологии, социологии, психологии, этнологии. В лингвистических исследованиях появляется термин «текстоцентризм», отражающий уверенность исследователей в том, что наиболее ярко особенности антропоцентрической лингвистики проявляются именно в исследованиях текста. Ученые утверждают, что текст невозможно изучать вне человека, который является его создателем и его адресатом, а

поэтому все языковые реалии приобретают истинный смысл только в тексте. В то же время бесспорно, поиск и удержание смыслов – задача философской деятельности. Как пишет В.И. Корасиков, «Философия в строгом понимании этого термина не занимается познанием, она озабочена поиском смысла значений о человеческом существовании» [9, с. 7].

«Лингвистическая философия» исходит из того, что субъектные толкования создаются нами, нашим «я», всем нашим образом жизни посредством языка или интеллекта. Нельзя забывать, что концепт «человечество», также как и концепт «история» – это приобретение философов, продукт философской мысли.

Необходимо, как писал Деррида, хорошо пожить с традиционной концептуальностью, чтобы разрушить ее [7, с. 21]. Тем не менее у Деррида философия превратилась в форму литературы, т.е. в фикцию. Мир философии – это ничто, кроме мира сновидений. Когда все становится текстуальностью и ничем кроме, реальный мир человеческой жизни исчезает в «черной дыре свободно плавающих означающих». Для Деррида везде только «différance» (различение) и «traces of traces» (следы следов). Поскольку, как считает Деррида, ничто не значит что-то особенное, он приходит к заключению, что в конечном счете вообще ничто ничего не значит [7, с. 24].

Как утверждает Медисон, вклад Деррида в дискуссию по языку не является заключительным: ему не удалось утвердить новую последовательную точку зрения на значение или на то, как функционирует язык [7, с. 25]. В то же время в конце XX в. новая парадигма человеческого развития, исходящая из приоритета человеческой жизни, показывает, что в основу должна быть положена универсальная концептуальность, с помощью которой мы придаем смысл жизни человека и окружающему его миру.

Литература

1. Назарчук А.В. Этика глобализирующего общества/ Александр Назарчук. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. – 378 с.
2. Frascolla P. Understanding Wittgenstein's Tractatus/ Pasquale Frascolla. – London and New York: Routledge, 2006. – 244 p.
3. Derrida J. Positions / Jacques Derrida. – Paris, 1972. – 136 p.
4. Власова Т.И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии/ Татьяна Власова. – К.: Генеза, 2006. – 296 с.
5. Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. – М.: Intrada, 2004. – 560 с.
6. Gadamer H.G. Wahrheit und Methode: Grundzuge einer philos. Hermeneutik. – Gūbingen, 1960. – XVII. – 486 s.
7. Madison G.B. The Politics of Postmodernity. Essays in Applied Hermeneutics/ G.B. Madison. – Kluwer Academic Publisher, 2001. – 210 p.
8. Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры // Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта, Наука, 2004. – с. 258-270.
9. Красиков В.И. Концепты в функции философских основоположностей// Концептуальные исследования. – Выпуск 1. – Язык, этнос, картина мира. – Кемерово: Графика, 2003. – 185 с.